

НАША СТРАНА

Год издания—53-й. Буэнос Аїрес, суббота 1 сентября 2001

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 1 de setiembre de 2001 N° 2663-2664

НЕ СТАЛИНГРАД, НЕ ВОЛГОГРАД, А ЦАРИЦЫН!

На состоявшейся 10 августа с. г. в городе Нальчике пресс-конференции, губернатор Волгоградской области Н. Максютя высказал идею о возможном переименовании города Волгограда в Сталинград — к 60-летию Сталинградской битвы. В связи с этим Российский Имперский Союз-Орден заявляет следующее:

В последние полтора года в России усилились тенденции, направленные на ренатимацию коммунистической идеологии, идущие под лозунгом "неделимости отечественной истории". В результате этих тенденций в третье тысячелетие наша страна вошла под звуками гимна СССР, а российская армия под красным флагом. Наблюдаются постоянные попытки власти приравнять великую эпоху православной и самодержавной России со страшными годами большевицкой оккупации, что есть преступление и перед нашими предками и перед нашими потомками.

Понимая, что коммунистическая идеология в чистом виде не будет уже принята большинством нынешнего российского общества, ловко манипулируется память народа о победе в войне 1941-45 гг. Из событий этой войны в советское время были созданы мифы, в которых главную роль отводили коммунистической партии, благодаря которой, якобы, и была выиграна эта война. И именно эта умелая спекуляция народным горем позволяет до сих пор сохранять и даже возрождать коммунистическое наследие.

Глубоко ценя подвиг русского народа и те жертвы, которые он принес, необходимо отметить, что победа над самой мощной армией того времени была одержана отнюдь не благодаря, а именно **вопреки** большевизму. Сам же большевизм потерпел идеологическое поражение, ибо коммунистические вожаки, испугавшись неминуемой катастрофы, вынуждены были сделать серьезные политические уступки. Были открыты церкви, введена новая форма и знаки отличия, напоминающие Русскую Императорскую Армию, политотделы отстранены от вмешательства в руководство войсками. Только после этого и наступил переломный момент в войне. Однако позже большевицкие идеологи сумели присвоить себе чужие заслуги, украв у русского народа его победу. Бессовестно эксплуатируя память о войне, коммунистический режим равнодушно относился к памяти павших и тяжелому положению живых. Именно поэтому по прошествии более полувека с тех трагических событий все еще можно найти непогребенные останки подсоветских солдат, и сотни тысяч воинов до сих пор числятся "пропавшими без вести"...

Появление же вновь на картах названия "Сталинград" в первую очередь станет возрождением памятника одному из самых кровавых коммунистических преступников — Иосифу Сталину. Это будет реванш большевизма, а не увековечение памяти участников сражения. И следует помнить, что существует много людей, для которых имя Сталина связано с ужасами коммунистических концентрационных лагерей, с гибелью близких родственников. Для них подобное восстановление "исторической справедливости" явится тяжелой моральной травмой, нанесением оскорбления им и их близким.

И если уж говорить об исторической справедливости, то Волгограду следует вернуть его изначальное имя — Царицын. Имя, которое город носил на протяжении нескольких веков. И надеемся — будет носить в ближайшем будущем.

Г. А. ФЕДОРОВ
Начальник Российского
Имперского Союза-Ордена

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

СОШЕСТВИЕ ВО АД

П. Д. Джемс рассматривается как лучшая английская писательница в детективном жанре (каковой в наши дни переживает упадок: как, впрочем, и вся западная литература в целом). Ее считают достойной преемницей Агаты Кристи. Чего она вполне и заслуживает.

Но вот разберем ее последний роман, "Death in Holy Orders". Действие — в богословской семинарии самого высшего уровня, расположенной в церковном здании на берегу моря. Это важно, чтобы ограничить число возможных преступников (после того как местный епископ оказался убит в церкви). Раньше, с той же целью местом происшествия избирали обычно замок или поместье; но это теперь несвоевременно (в других романах Джемс переносит нас то в приют для инвалидов, то в госпиталь).

Не будем однако входить в подробности интриги. Остановимся вместо того на картине, — видимо, вполне реалистической, — современного британского общества.

Молодой фермер, арендующий у семинарии земельный участок, — персонаж, в основном, вроде бы вполне положительный, — живет с сестрой как с любовницей.

Женщина эта, журналистка по профессии, связана с сатанистами, и ей нужно для их обрядов достать "гостию", освященную облатку для причастия. Она соблазняет студента семинарии, вступив с ним в половые отношения. Тот исполняет ее желание, но затем, увидев ее черную сущность и поняв совершенный им грех, кончает с собой.

В составе преподавателей семинарии — один из англиканских священников, сидевший в тюрьме за растление малолетних (мальчиков из церковного хора). Причем к нему отношение окружающих, включая явно и автора, — вполне сочувственное.

Еще, пожалуй, страшнее позиция главного героя, полицейского комиссара (фигурирующего и в других книгах писательницы).

Когда во время следствия все эти вещи вскрываются, его главная забота, — не только никак не осудить современную ведьму, явно одержимую дьяволом, но даже не выразить,

словом или жестом, неодобрения ее поведению. Как она цинично поясняет — с точки зрения закона в ее поступках нет нарушения.

Теперешнюю мораль, уровень норм нынешней нравственности в Англии, полнее всего развивает другой персонаж (положим, отрицательный).

Он (между прочим, по специальности — преподаватель греческого языка в семинарии) так резюмирует сегодняшнюю роль и положение Церкви, по сравнению с таковыми в XV веке: "когда жизнь тяжела, коротка и полна страданий, вам нужна надежда на рай; когда нет эффективных законов, нужна в виде возмещения мысль об аде. Церковь давала людям утешение, и свет, и сказки, и надежду на вечную жизнь. В XXI веке у них есть другие удовольствия. Футбол, например. Тут у вас есть и ритуал, и яркие цвета, и драма; и чувство принадлежности к коллективу. У футбола есть жрецы, и даже мученики. А кроме того есть магазины, искусство и музыка, путешествия, алкоголь, наркотики. У нас у всех есть средства выдерживать два главных ужаса человеческой жизни — скуку и сознание, что мы умрем. Да теперь еще есть и интернет. Порнография, стоит только коснуться включателя. Если вы хотите найти кружок педофилов или узнать, как приготовить бомбу, чтобы взорвать людей, которых вы не любите, — все это совершенно доступно".

Логика тут однако хромает. Знаток античности должен бы здесь вспомнить, что у древних римлян были развлечения не хуже, даже и для простого народа, — бои гладиаторов, например. И бытовая культура Рима и Греции была мало чем ниже нашей. И тем не менее христианство победило тот мир: одинаково высшая интеллигенция и людские массы почувствовали духовную пустоту, и рванулись к чему-то высшему.

Если сейчас идет, — в частности в англосаксонском мире, — процесс обесценения высших ценностей человечества, остается пожалеть.

Пустота есть смерть. Охватив верхи, она спускается ниже, охватывая целые страны — и ничего хорошего им не сулит...

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

ПЕЧАТЬ

ДЕГЕНЕРАТ В ТЕМНИЦЕ

“Новое Русское Слово“ от 18 июня с. г. сообщает, что Э. Лимонов арестован и сидит в Лефортове: за “незаконное приобретение, перевозку и хранение оружия“ (для соратников руководимой им Национал-Большевицкой Партии). Он считает (согласно данному им интервью), что сия партия победит в России (и, видимо, в ближайшее время).

Пожелаем этому сугубо аморальному субъекту оставаться в тюрьме подольше (а лучше бы всего — навсегда). Впрочем, нет худа без добра: связь неолевых с заведомым сексуальным извращенцем не может их не дискредитировать в глазах всех нормальных людей (коих у нас на родине все же — абсолютное большинство).

На вопрос: “Чем вы займетесь после освобождения?“, Эдик ответил: “С девушкой займусь. Найду себе бабенку нерожалую“. Почему же не мальчика? Ведь, кажется, его склонности направлены именно в такой ориентации... Но, впрочем, пусть лучше занимается девушкой (найдутся достаточно глупые...), чем осуществлением чудовищного плана: написать книгу о “священных монстрах: Пушкин, Ленин, Гитлер, де Сад“. Включение Пушкина в эдакую компанию говорит само за себя... А какие мерзости о нем “подросток Савенко“ сочинит, — мы себе заранее можем вообразить. К несчастью, в наше время любая клевета на великого поэта хоро-

шо оплачивается и щедро вознаграждается разными путями.

ПРИЗЫВЫ О ПОМОЩИ

“Русская Мысль“ от 19 июля оповещает своих читателей (за подписью “главного редактора “РМ“ И. Криговой и коллектива редакции) о трагическом положении газеты:

“Уже несколько месяцев сотрудники редакции и наши многочисленные авторы, с которыми вы встречаетесь каждую неделю на страницах “Р. М.“ работают бесплатно“.

Ах беда, ах беда! Мы вот 50 лет работаем бесплатно (да еще и свои деньги тратим), — и не плачемся.

Зато у нас есть идея, которой мы и служим.

А кому служит “La Pensée Russe“? “Либеральной демократической традиции и европейской культуре“?

Но, позвольте, причем же тут Россия?

А вот почему католическая Церковь больше не поддерживает парижский еженедельник, — удивляемся. Ей-то он ведь служит изо всех сил!

РАДОСТИ, КУЛЬТУРНЫЕ И КУЛИНАРНЫЕ

В том же номере, воспроизведем отрывок из отдела “Маленькие объявления“:

“Мужчина, представительный во всех отношениях, ищет молодую русскую женщину (моложе 35 лет), порядочную и интеллигентную, чтобы разделить культурные и кулинарные радости увлекательной и полной жизни. Писать...“

Адрес мы предпочитаем опустить.

До подобной пошлятины до сих пор, сколько помним и знаем, ни один печатный орган русской эмиграции еще не падал.

O tempora, o mores...

ПУШКИНОВЕДЧЕСКОЕ ЛЖЕОТКРОВЕНИЕ

Никто никогда не утверждал доселе будто пушкинское стихотворение “Я вас любил“ адресовано Анне Петровне Керн. Сенсационное открытие сие принадлежит А. Радашкевичу, который о нем возвещает в бюллетене “Двуглавый Орел“ № 1 от с. г.

Жаль, что его находка не подтверждается ни одним аргументом. Мы все, напротив, знали, что стихотворение посвящено совсем другой Анне, Аннетте, или точнее Анне Алексеевне Олениной, каковой он и вписал его в альбом (добавив позже, после того как его сватовство было отвергнуто, на той же странице, грустное слово plusquer parfait, т. е. “давно минувшее“).

Ей же он посвятил ряд других стихотворений, в том числе замечательное “Город пышный, город бедный“ (и тоже “Не пой красавица при мне“, “Вы избалованы природой“, и другие еще).

Читая эти стихи непредубежденными глазами, определенно видно, что они обращены ко свободной, незамужней девушке. В силу чего отпадает не только ни на чем не обоснованное предположение Радашкевича, но равно отпадают и домыслы Дружникова в “Русской Мысли“, что речь в нем идет о Собанской.

Все эти фантазии неприятны тем, что явное желание авторов есть дискредитировать Пушкина, чем-то подмарать его репутацию.

Великий поэт, — и в житейских делах совершенный джен-

тльмен, — ничем этих поношений не заслужил. Все мы, причастные к русской культуре обязаны ему благодарностью за минуты наслаждения, испытанные, рано или поздно над его творениями.

Клеветникам следовало бы постыдиться!

Неблагодарность — очень скверный порок...

ДВЕ ЭПОХИ

В интересных воспоминаниях Н. Коржавина (“В соблазнах кровавой эпохи“), опубликованных в “Дружбе Народов“ № 12 за 2000 год, он рассказывает о своей беседе с профессором С. Шамбинаго, преподававшим в Литературном Институте.

“О его отрицании всего советского тоже все почему-то знали, да он и не скрывал. Сходило за стариковское чудачество“.

Объясняя, что читает лекции только о периоде до 19-го века, Шамбинаго сказал: “Про девятнадцатый — там, знаете, надо всякие слова говорить... А я их не знаю... Еще не то скажешь... Вот, например, извольте видеть, при императоре Николае Павловиче, которого Лев Николаевич Толстой сперва назвал Палкиным, а потом в письме государю-цесаревичу, от этого названия отказался, — говорят, что при нем был застой. А при нем, извольте видеть, состоялись Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Григорович, начал Достоевский, Толстой и вообще вся русская литература. А теперь расцвет и ничего нет. Только Алешка Толстой...“

В. Р.

МАРИАННА ЛОРИЯ

МАСОНЫ, КАТОЛИКИ, ГЕНЕРАЛЫ, АЙСЕДОРА

В столице Мексики, подле костела Сан Фернандо, находится старинное кладбище, на котором похоронены крупные исторические деятели этой страны.

Неосведомленному посетителю может показаться странным, что на этом погосте либералов-атеистов, было решено поместить вблизи от останков президента Бенито Хуареса — таковые же расстрелянного им генерала Мирамона, одного из сподвижников кратковременного мексиканского императора Максимилиана.

Однако ларчик открывается просто. Максимилиан, увы, был таким же масоном, как и Хуарес. Вообще, на протяжении всей мексиканской истории масоны играли определяющую роль, рьяно преследуя религию, вплоть до прямого запрещения богослужений в

20-х годах 20-го века, что вызвало мужественное восстание так называемых “крестерос“ (“христоносцев“), жестоко подавленное мексиканским Диоклецианом, президентом Элиас Плутарко Каллье. (В ту войну, взявшись за оружие мексиканские христиане проявили чудеса храбрости. Известна фраза епископа штата Тамаулипас: “Если я наступаю, следуйте за мной; если остановлюсь — подтолкните; если отступлю — убейте!“).

Каллье не только был масоном; он дружил с Совдепией. В книге об этой священной войне (Jean Meyer, “La Cristiada“, издательство Клио, Мексика 1997), на странице 23 можно увидеть фотографию, где он обменивается любезностями с ленинской сообщницей Александрой Коллонтай.

Можно сказать, что за пос-

ледние полтора века мексиканской истории первым президентом не-масоном является нынешний — Висенте Фокс. К возмущению членов лож и левой общественности, этот ревностный католик из города Гуанахуато, в день принятия власти демонстративно молился в базилике Гваделупской Богородицы, покровительницы Мексики. (В прошлом году Фокс победил на выборах левую партию ПРИ, 70 лет монополю правившую страной, при поддержке Вашингтона, лицемерно закрывавшего глаза на ее недемократичность).

Однако вернемся к пантеону Сан Фернандо, к одной его поразительной достопримечательности. Блуждая по погосту, я вдруг с изумлением обнаружила нишу... Айседоры Дункан! Как так? Ведь на-

сколько мне было известно, она не похоронена в Мексике?

Кладбищенский сторож раскрыл мне эту загадку. Оказывается, один из мексиканских генералов, страстный почитатель танцовщицы, был настолько поражен и опечален ее смертью, что приобрел пустующую нишу, распорядился высечь на ней имя бывшей жены Сергея Есенина — и всю свою жизнь приходил к ней с цветами!

Не менее любопытно то, что после смерти генерала, цветы к пустой нише приносил его сын, а затем и его внук! Что продолжает делать и по сей день в годовщину смерти Айседоры.

Интересно, известно ли это диковинное обстоятельство биографам танцовщицы?

МАРИАННА ЛОРИЯ

ЮРИЙ ШИЛОВ

П О Э Т - Р Ы Ц А Р Ь

К 80 - ЛЕТИЮ СО ДНЯ РАССТРЕЛА Н. ГУМИЛЕВА

"Я подарил ему пистолет и портрет моего Государя". Как это непохоже на все, чем тогда прострелили страницы поэтических изданий, на всех этих "жрецов", "магов" и "безумцев", на парфюмерию Северянина и ячество Бальмонта, на изыск и мишуру салонов и литературных гостиных Москвы и Петербурга. Либеральная, прогрессивная, "передовая" интеллигенция предавала Россию. Это же надо было докатиться до таких откровений как "патриотизм есть последнее прибежище негодяя" (Л. Толстой). Дальше идти было некуда. Дальше был большевизм. И вот в этой атмосфере, отравленной испарениями апостасии, в этой оглушительной пустоте прозвучали слова: "Но все в себе вмещает человек, который любит мир и верит в Бога". Они принадлежали русскому офицеру-монархисту Николаю Степановичу Гумилеву.

Один из литературных подонков, близких к Чека и сам чекист, встретив случайно М. Л. Лозинского (будущего переводчика "Божественной комедии") откровенничал: "Да... этот ваш Гумилев... Нам, большевикам, это конечно, смешно, но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурив папироску. Фанфаронство, конечно, но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало, кто так умирает". Двадцать седьмого августа 1921 года тридцати пяти лет от роду, в расцвете жизни и таланта Гумилев был расстрелян. Г. Иванов об этом вспоминает так: "Ужасная, бессмысленная гибель? Нет — ужасная, но имеющая глубокий смысл. Лучшей смерти сам Гумилев не мог себе пожелать. Больше того, именно такую смерть с предчувствием, близким к ясновидению, он себе предсказал: "Умру я не на постели, при нотариусе и враче". Остается только добавить, что умер он за Россию и за... поэзию.

Место Гумилева в русской поэзии давно определено как одного из талантливейших и оригинальнейших поэтов дворянской культуры. А здесь я хотел бы поделиться только своими личными, может быть, и субъективными (речь ведь идет о поэзии) впечатлениями любителя поэзии. Правда, диапазон любительства довольно широк — от Хрущева, вспоминавшего некоего шахтерского поэта Махино, который любил "огни эмоций зажигать", до Льва Николаевича Толстого, считавшего Шекспира "шарлатаном". В науке, человека, усомнившегося в значимости Лавуазье или Вернадского, сочли бы по меньшей мере странным, а в искусстве, как известно, каждый считает себя авторитетом по прочно утвердившейся сомнительной истине, что "о вкусах не спорят". Но можно ли

действительно нащупать какие-то бесспорные критерии настоящего в искусстве поэзии?

У Маяковского, как бы мы к нему ни относились, я когда-то обратил внимание на одно весьма заинтриговавшее меня выражение в его широко известном очерке "Как делать стихи". Говоря там об Есенине, он как бы вскользь обронил, что да, конечно, у него есть и "несколько своих мест". Вроде бы даже и пренебрежительное замечание, однако, оказывается, это очень высокая оценка. Вы напрасно трудились бы, отыскивая "свои места" у многих и довольно известных стихотворцев ну, скажем, у того же Демьяна Бедного (при всей его хлесткости) или у Льва Ошанина с Долматовским и Матусовским вкупе (у Евтушенко, между прочим, встречаются). Дело в том, что они есть лишь у настоящих поэтов, они как раз и отличают поэта от версификатора и рифмоплета и одного истинного поэта от другого. "Гой ты, Русь моя родная, хаты, в ризах образа, ни конца тебе, ни края, *только синь сосет глаза* (курсив везде мой. Ю. Ш.). Так сказать мог только Есенин. Блок не мог. Блок сказал: "Ночь. Ледяная рябь канала. Аптека. Улица. Фонарь". А вот: "Смерть пришла, и предложил ей рыцарь поиграть в изломанные кости" или о голосе любимой женщины: "Звонче лютни Серафима ты и в трубке телефонной!" Вот что такое эти "свои места". Так мог сказать только Гумилев.

В "Колчане" (пятом сборнике его стихотворений) есть строки как бы представляющие его кредо: "Я вежлив с жизнью современною, но между нами есть преграда — все, что смешит ее, надменную, моя единая отрада. Победа, слава, подвиг — бледные слова, затерянные ныне, гремят в душе, как громы медные, как голос Господа в пустыне". А дальше идет неповторимое, гумилевское: "Но нет, я не герой трагический, я ироничнее и суше, я *злюсь, как идол металлический, среди фарфоровых игрушек*. "И подумать только, он, этот идол металлический, еще и *"горестно смеющийся"*. Или о голосе любимой женщины: "Звонче, лютни Серафима ты и в трубке телефонной!" Вот что такое эти "свои места".

Перечитывая первые сборники поэта: "Путь конкистадоров", "Романтические цветы", "Жемчуга", видишь, что "социальный момент" у него полностью отсутствует, хотя на дворе уже 1905 год. Но стоит ли обращать на это внимание? Россия — могущественнейшая в мире империя! Это у Блока: "И в желтых окнах засмеялись, что этих нищих провели" ("Фабрика"). Уже наверное, заразился марксистинной.

Социальность! Она и всегда будет ему чужда. У поэта свои задачи! Другое дело, что наста-

нет день, и она трагически наступит его. Это-то он предчувствовал и романтически: "...да 12 тысяч футов моря над моей пробитой головой" и пугающе пророчески — "рабочий", в шестой своей книге "Костер", где будто на картине Ярошенко, рабочий, стоящий "перед раскаленным горном, невысокий старый человек", этот "гегемон" революции, отольет пулю, "что меня с землею разлучит". А пока, что же, многие стихи из "Романтических цветов" (в пику бодлеровским "Цветам зла" и "Жемчугов" помечены местопребыванием поэта — Париж, 1905-1907 гг., во многих чувствуется влияние французских символистов, Верлена, Малларме... Технически совершенные, они, однако, ни более и ни менее, как упражнения по версификации. Но вдруг просверкивают такие шедевры как "Орел"! А "Думы", "где касался губ, которым грех неведом", где "за все теперь настало время мести"! А "Жираф" и "У меня не живут цветы...". Все это есть уже в "Жемчугах"; когти, по которым узнается лев.

Удивительна и невероятна четвертая книга "Чужое небо. Поэту 26 лет. Зрелость. Тут и философия и нечто больше, чем философия: "Создав, навсегда уступил меня року Создатель". Тут и женщина, с которой "я узнал, узнал, что такое страх, погребенный здесь, в четырех стенах". "Из логова змиева, из города Киева, я взял не жену, а колдунью..." которая оставит поэта, а потом, после смерти... присоединится к его славе. И поэмка о Колумбе, его подвиге и ...награде: "Да! Пробудит в черни площадной только смех бессмысленно тупой, злость в монахах, ненависть в дворянстве, гений, обвиненный в шарлатанстве".

Один знаменитый поэт однажды сказал: "у меня из десяти стихотворений все десять сделанные, то есть, "без воды", а у Блока — только одно, но мне такого одного не написать. Но вот такого стихотворения как "Самофракийская победа", пожалуй, не написать и Блоку. Судите сами, оно короткое, всего 12 строк, и я приведу его полностью. "В час моего ночного бреда ты возникнешь пред глазами — Самофракийская Победа с простертыми вперед руками. Спугнув безмолвие ночное, рождает головокруженье твое крылатое, слепое, неудержимое стремленье. В твоём безумно-светлом взгляде смеется что-то, пламенея, и наши тени мчатся сзади, поспеть за ними не умея". Заметьте, оба летят! Это уже из сборника "Костер". Но тут много и других невероятных вещей: "Прапамьять", где "седою гривой машет море", и "Стокгольм" и "Швеция": "И неужель твой ветер свежий вотще нам в уши сладко выль, к Руси славянской, печенежьей вотще Рюрик приходил?" Стихотворение дати-

ровано 1917 годом — годом прихода к нам совсем других "варягов", не на "тяжелых стругах", а в "запломбированном вагоне"...

"Шатер" (1918-1921) переполнен экзотикой. То ли поэт хотел забыться, уйти от всего, что тогда творилось, скорее всего, он так до конца и не мог поверить в то, что творилось — в гибель России. Считал это чем-то временным, несерьезным — "все эти домогательства картавого человеконенавистника..." Тогда, между прочим, многие так считали. Сам он сказал об этом так: "Мое прекрасное убежище, мир звуков, линий и цветов, куда не входит ветер режущий из недостроенных миров". Во всяком случае, здесь он дал себе волю выплеснуть все, что видел и знал о жизни всегда томивших его воображеньем "жарких стран", все, что пережил в своих странствиях. "Шатер" полон гомерических ужасов и комических сценок дикой жизни "висящей исполненной грушею" Африки. Там в президентский дворец черного владыки, отлучившегося куда-то, забрался орангутанг "размахивал палкой своей, бил посуду, шатался, как пьяный, и неузнана целых пять дней, управляла страной обезьяна"; там, в Верхнем Конго, на глазах у связанного ученого-путешественника дикари зажарили и съели его коллегу и "друга с детства Пьера", а потом, развеселившись, предложили ему... закусить. А там при беседе с вождем, поэта усадили на скамью из людских черепов.

В Замбези надо заработать "восемь ран — украшений мужчины" и принести вождю "одиннадцать вражеских голов". В Нигере "винты пароходов твоих крокодилы разбивают могучим ударом хвоста". Он рассказывает "о деревнях с кумирами древними, что смеются улыбкой недоброй, и о львах, что стоят над деревнями и хвостом ударяют о ребра". Но сквозь вереницу этих описаний порою явственно проступают черты страстного ориенталиста и этнографа, что, повидимому, уже в полной мере унаследует его сын, Лев Николаевич Гумилев, профессор, востоковед, географ.

"Огненный столп" — последняя (8-я) книга стихов поэта (посвященная его второй жене, Анне Николаевне Энгельгардт) нравится мне, пожалуй, меньше, чем "Колчан" и "Костер", хотя поэт идет в ней дальше вперед. В каждом своем новом сборнике он поднимал "планку" все выше и выше. В этом отношении поразительно стихотворение "Слово": "И орел не взмахивал крылами, звезды жались в ужасе к луне, если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине..." И наши, нынешние слова, словно "в улье опустелом, дурно пахнущие, мертвые слова". В нем жила героическая душа. Он не "цеплялся" за жизнь, мог ведь и отреститься от своего

участия в "заговоре", но благородство, но рыцарская честь не позволили этого. Ушел чистым, кристально чистым.

В этом сборнике тоже много запоминающихся стихов: и "Шестое чувство" и "Молитва мастеров", и всем нравящийся "Заблудший трамвай". Но вот в стихотворении "Мои читатели" есть четыре строки, единственные из всего творчества поэта, которые мне активно не нравятся: "Человек среди толпы народа, застреливший императорского посла, подошел к моему лицу, поблагода- рить за мои стихи". Это что же, Блюмкин? Убивший Мёрбаха?

И в этой книге, как и в цикле "Посередине странствия земного", много стихов о любви, в том числе и ... неразделенной: "Еще не раз Вы вспомните меня, и весь мой мир, волну- щий и страстный, нелепый мир из песен и огня..." Кажется, что эти строки обращены и к нам, жителям начала 21-го века. Ведь кое в чем он был и действитель- ным человеком не совсем понятным, когда писал: "И в дни прекраснейшей войны, которой кланяюсь я земно, к которой завистью полны и Александр и Агамемнон". Может быть, это писала "тыловая крыса"? Нет, кавалер двух солдатских Георгиев! Любил опасность, риск, был отчаянно смелым и чуть-чуть авантюристом.

Особо хотелось бы отметить "Письма о русской поэзии". Если бы Гумилев не стал признанным поэтом, то, безусловно, остался бы в истории русской литературы как блестящий критик, правда, очень необы- чный, неакадемический — критик-поэт! Его "разборы" стихов восхищают прежде всего безошибочностью "диагноза", глубиной подхода "изнутри", самая сильная его сторона — "эстетический анализ": ни на минуту мы не забываем, что речь идет об искусстве, что художник говорит о искусстве. Искромётность, грация, остроумие! "Святополк Мирский в своих стихах как будто боится признать себя поэтом и мне, пока, не хочется быть смелее его". "Как объяснить Бальмонту, что между самыми красивыми словами должна же быть связь, и что эссенция сахара горька на вкус". О Вяч. Иванове: все его образы лишь "одежда его идей". И так они выпадают из... искусства. Говоря о поэтах-натуралистах, он замечает, что "в них все понятно и ничего не прекрасно". Или об одном поэте: "Только большая культура доказала бы ему, что он не поэт". "Как часто обилие мыслей, богатство и разнообразие впечатлений люди принимают за поэтический талант". Или: "Он развил наиболее спорные особенности таланта Бальмонта и Блока", а об одном таком пиите: "Я не верю, что он читал Пушкина".

Гумилев, повидимому, обладал и большим педагогическим чутьем и даром, собирал вокруг себя молодежь ("Цех поэтов", студия "Звучащая раковина"). Между прочим, там

он "открыл" и Георгия Иванова. Обратите внимание, говорил он, у него в "зелени грустит мраморный купидон", но грустит не так, как в десятках стихотворений других поэтов, а грустит "о том, что у него каменная плоть". Можно ли сказать лучше о поэзии так называемых левых: "одно великолепное презрение к стилю, издевательство над требованиями вкуса и полное непонимание задач стиха, столь характерные для русских поэтов-революционеров конца прошлого века, да разве еще шаблонность переживаний, тупость поэтического восприятия и бесцеремонность в обращении с вечными темами".

Я не знаю, кто бы мог еще так сказать о духе и сути французского, русского и германского символизма, как это сделал Гумилев: "Французский символизм, родоначальник всего символизма, выдвинул на первый план чисто литературные задачи: свободный стих, своеобразный и зыбкий слог, метафору, вознесенную превыше всего! Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, вырисовывающую линию, в то время как символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика могла родиться только в туманной мгле германских лесов. Русский же символизм (имеющий своим основанием безбрежный русский идеализм) направил свои главные усилия в область неведомого, признав рационализм нецеломудренным, ибо вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации (и космонавтики Ю. Ш.) в конце концов не станут ближе". Отсюда поиски и опыты русского символизма".

Чувствуете широту взгляда религиозного философа-критика? Таких критиков у нас еще не было. И не будет, ибо то был взлет русского Ренессанса начала века. Гумилев пишет: "Поэзия должна гипнотизировать, в этом ее сила. Гюго гипнотизировал своей аффектацией, Гейне — сарказмом, Пушкин и Лермонтов — новыми возможностями русского языка". Кто еще так у нас говорил о поэзии: "пламенно творящий подвиг своей жизни есть поэт, правдивое повествование о подлинно пройденном мистическом пути есть поэзия. В этом смысле поэты — Конфуций и Магамет, Сократ и Ницше".

В заключение хочется пожелать, чтобы "Письма о русской поэзии" были настольной книгой каждого поэта. Таких шедевров мысли и вкуса очень немно- го даже в мировой литературе.

А. Блок и Н. Гумилев, В. Ходасевич и Б. Пастернак, В. Маяковский и С. Есенин, Г. Иванов и М. Цветаева, М. Волошин и Н. Заболоцкий! Где еще было возможно такое созвездие? Оно было возможно в Царской России начала века.

ЮРИЙ ШИЛОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖИЗНЬ

ОТЛИЧИЕ ДЛЯ РУССКОГО ЭМИГРАНТСКОГО УЧЕНОГО

Чешский Технический Университет в Праге присвоил Александру Александровичу Данилевскому высшую ученую степень Доктора Технических Наук. Степень эта была присуждена ему как одному из видных представителей науки о гидротехнических сооружениях. Возведение Александра Александровича в степень состоялось 19-го июня в Вифлеемской Часовне, где когда-то проповедовал Ян Гус и которая теперь служит как торжественный зал Технического Университета.

Александр Александрович родился в 1913 г. в Санкт-Петербурге и с 1917 г. находится в эмиграции. Он окончил в 1938 г. Технический Университет в Праге с титулом инженера. Работал в Чехословакии, в Германии, во Франции, с 1946 до 1982 г. в Аргентине, с перерывом четырех лет в Уругвае. В 1965 г. получил титул аргентинского инженера. Потом был профессором Университета Буэнос-Айреса. Он является членом-корреспондентом Аргентинской Государственной Инженерной Академии, заслуженным членом Общества Аргентинских Инженеров, пожизненным членом Аргентинского Научного Общества и т. д.

С 1982 г. Александр Александрович проживает в Соединенных Штатах, в Нью-Йорке. Несмотря на свой почтенный возраст, он активно сотрудничает с Международной Комиссией по Большим Плотинам и, до последнего времени, не пропускал ни одного ее съезда, где бы он не состоялся. Его приглашали читать лекции в научных институтах и высших учебных заведениях в Москве, в Санкт-Петербурге, в Праге, в Буэнос-Айресе и т. д. У него более шестидесяти печатных трудов вышедших в разных странах, на шести языках.

Редакция "Нашей Страны" поздравляет Александра Александровича с почетным званием и желает ему еще долгие годы плодотворной научной деятельности.

Языковые уродства

О КАРАИБАХ

Во всех книгах, журналах или газетах на русском языке, вплоть до Второй Мировой войны, название индейской народности, обитающей в восточной части Южной Америки, а прежде и на Антильских островах, — писалось именно так. Я его часто встречал в романах, учебниках географии, работах по этнологии и антропологии, которых в свое время перечитал множество.

Слово к нам пришло, видимо, через французов. Во всяком случае, оно имеет сходную форму в большинстве европейских языков: французское *caribe*, немецкое *Karaibe*, итальянское *caraiho*, португальское *caraiha*. □□

Поэтому непонятно, за что оно подверглось гонению и уничтожению в нынешней России, где его заменили на **кариб**.

Положим, по испански оно звучит как *caribe*. Но с испанским языком там мало считаются. Он пользовался известностью только в годы Гражданской войны в Испании, а потом — дружбы с красной Кубой.

Нет, все дело очевидно в том, что по английски этот народ носит имя *Caribs*, а острова, где они прежде обитали называются *Caribbean*. Но почему мы должны говорить на английский лад?

Россия же все-таки не является британской колонией и не представляет собою один из штатов Северной Америки!

Перемены в географической номенклатуре, по самому суще-

ству своему весьма консервативной, суть нововведения в высшей степени неудобные и нежелательные.

Причины же, разобранные выше, в сущности, — крайне унижительны для русских и для России!

В русском языке слово **караиб** звучало тем более естественно, что оно близко к привычному слову **караим**.

Отметим заодно, что из названия караибов, в ином произношении, возникло наше, — и интернациональное, — слово **каннибал**, сиречь "людоед"; поскольку караибы когда-то имели склонность к данному виду питания.

И что из этого же названия Шекспир создал имя примитивного дикаря в пьесе "Буря", **Калибан**.

ЛАЙСКИЙ

С изумлением и некоторым ужасом отмечаем это чудовищное слово в номере 99 "Предтеческого Листка", в заметке (впрочем перепечатанной из журнала "Двуглавый Орел"), самой по себе не лишенной интереса и убедительности, о вредности светского образования во Франции оторванного от положений христианской веры:

"Родителям вменили в обязанность посылать своих детей в первоначальную лайскую (исключающую религию) школу".

По русски надо, разумеется, сказать **лаическую**!

Именно так передается французское слово *laïque*. И никак иначе!

Аркадий Рахманов

БИБЛИОГРАФИЯ

Dafina Chaviano. “País de dragones” (Madrid, 2001).

В мире поэтической фантазии молодой кубинской писательницы Дайины Чавиано, эмигрировавшей в Соединенные Штаты, драконы — воплощение не темной, а светлой силы, не враги, а активные друзья людей, от сношений с которыми у них возникают даже гибриды.

С другой стороны, они суть существа эфемерные и весьма хрупкие, страдающие от гнева стихий и еще больше от злых чар.

В этом смысле интересен рассказ “Голос острова”, где сатанинский колдун, завладев островом, где обитали доверчивые драконы, делает его бесплодным и отнимает у его жителей всякую волю к жизни.

В данном случае не трудно было бы разгадать имя чернокнижника и географическое расположение местности, послужившей для автора прототипом!

Те же воспоминания послужили, быть может, и для создания города немых, где была забыта человеческая речь.

В остальном, в серии коротких новелл, написанных чудесным испанским языком, вызывающим порою в памяти “Галатею” Сервантеса, перед нами предстают во множестве волшебные творения всякого рода, одушевленные как Дева Огня и неодушевленные, как Камень Жизни.

И нам сообщаются всякие любопытные сведения о рождении, развитии и иногда гибели изумительного драконьего племени.

Представления Чавиано о драконах имеют, пожалуй, отголосок только в Китае, где гигантские крылатые ящеры тоже воспринимаются как благодетельные животные.

В остальном мире, особенно в европейском, они являются страшными, воистину адскими созданиями. Таковы Грендель, которого убил, вместе с его матерью, англосаксонский герой Беовульф, или Змей Горыныч нашего национального фольклора, или еще Тугарин, для которого в стихах Гумилева, Вольга натягивает тетеву

На рога

Беловежского старого тура.

Распространение мифа о драконах, более или менее всемирное, решительно наводит на мысль о том, что наши предки застали еще на земном шаре представителей рода динозавров и имели случай вступить с ними в войну. Чему, кажется, за последнее время обнаружены были даже археологические подтверждения.

О. Михайлов. “Жизнь Бунина” (Москва, 2001).

Все течет, все меняется... Автор начинает книгу с описания улицы Оффенбаха в Париже, где жил Бунин, и с сокрушения о том, что его дом не помечен

памятной доской. Улицу с тех пор целиком перестроили, правду того дома не коснувшись; а доску на стену присобачили.

Труд Михайлова, в целом, разочаровывает. Право, мы предпочли бы читать работу на данную тему эмигранта. Да таких работ уже много множество и есть, только посвященных отдельным вопросам, а не творчеству и жизни писателя в полном объеме.

Автор сам рассказывает о возражениях ему по поводу каких-то прежних выступлений в печати вдовой Бунина, указавшей, что ему бы лучше не говорить о предметах, как дворянские традиции старой России, вовсе ему непонятные. Добавим, что и быт русского Зарубежья для него чужд и далек, и это часто под его пером отчетливо проявляется.

Самое же худшее, — отметим это сразу, — это чувствующееся у него порою наследие советского мышления и обветшалых большевицких штампов.

Никак не можем согласиться с такими вот его высказываниями о революции и Гражданской войне: “Своя правда была и у белой и у красной идеи”. Правда была одна, у белых; а у красных был обман, для темных масс и для неразумных энтузиастов из левой интеллигенции.

Или вот двусмысленные слова о том, что Бунин не пожелал (делает ему честь!) участвовать в 20-е годы в “контактах, которые, возможно, могли бы привести к национальному примирению”. — Никакие “контакты” эмиграции с большевиками к добру привести не могли никак!

Отметим еще, как курьез, отрывку эпохи “борьбы с космополитизмом”, странное утверждение, будто все русские дворяне были чисто русского происхождения, а отнюдь не иностранного; хотя ведь о многих родах, в том числе Пушкина и Толстого, их чужеземные корни бесспорно исторически установлены.

Но перейдем от идеологии к структуре данного сочинения. Если читатель надеется найти тут подробную биографию Бунина, — он не встретит то, чего искал. Тут и там — видные пробелы. Прямо после Константинополя — Париж... Бунин побывал в Болгарии, где его обокрали, и это резко изменило его материальное положение в первые годы беженства. Сообщается о Нобелевской премии, — и никаким объяснением, как же и почему писатель ее истратил (а ведь ее обычно человеку хватило бы на всю остальную жизнь!). Ничего почти о болезнях последних лет — только описание смерти с подачи А. Бахраха.

Специальный аншлаг на переплете обещает (для подсоветской публики?) подробности жизни на вилле в Грасе. Но мы все детали уродливых любовных треугольников и четырехугольников знаем уже досконально, — лучше, чем нам хотелось бы! Им посвящены записки Кузнецовой, Бахраха и многих эпизодических свидетелей.

В основном же, о событиях существования Ивана Алексеевича Бунина Михайлов говорит

чрезвычайно кратко; зато странно рассуждает про его творчество, — но рассуждает не глубоко, не очень интересно и порою неубедительно.

Согласимся с ним в одном: Бунин как поэт не менее, а возможно и более значителен, чем как прозаик.

Станный у автора книги литературный вкус! Вот как он перечисляет таланты Серебряного Века: А. Блок, И. Бунин, М. Горький, И. Анненский, Ф. Сологуб, А. Куприн, Л. Андреев, В. Маяковский, А. Ахматова. В списке отсутствуют Гумилев и Есенин, два крупнейших поэта тех лет! Неужели г-н Михайлов ставит не только Ахматову, но и Анненского выше Гумилева, а Маяковского выше Есенина? Пожалеем его; он, значит, крайне близорук.

Другие его оценки тоже наводят на сомнения. Он раз за разом твердит о “духовном здоровье” Чехова. Хмурый, безрадостный взгляд на мир, беспощадные развенчивания окружающей среды, — такое ли уж это здоровье?

Он подчеркивает преклонение Бунина перед Толстым. Любопытно бы знать, что сказал бы Лев Николаевич о “Деревне” с ее чудовищной, явно преувеличенной картиной пороков и недостатков русского крестьянства?

Cum grano salis принимаем и утверждение об “аполитизме” Бунина. С началом революции, да и раньше, он свои политические взгляды четко выразил в следующих, например, строках (датирующихся 1915 годом): “Народ сам создает правительство, и нечего все валить на самодержавие. Очевидно, это и есть лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась 300 лет!”

Сильно преувеличивает эрефийский литературовед близость Бунина с демократическими, левыми кругами литераторов. Он принужден был, так и так, вращаться в их среде, — иной не было. И, волей неволей, к ней, понятно, приспособлялся.

Нравится Михайлову изобразительная способность разбираемого им писателя, умение подметить у людей их характерные внешние черты. Увы, тот пользовался этим даром для написания “злых карикатур” (как сам Михайлов выражается). Возьмем его портрет Брюсова: “Говорил этот гостиницворец высокопарно, с отрывистой и гнусавой четкостью, точно лаял в свой дудкообразный нос”. Нам сохранилось много отзывов о наружности Брюсова (человека м. б. и мало симпатичного), но так гадко о нем никто другой не говорил.

Вообще, хотим мы или нет, а надо признать правоту Горького, охарактеризовавшего Бунина словом “недобрый”. Все его суждения о современниках убийственно злы. Хотя иногда целиком или частично и справедливы.

Вот он о том же Горьком: “Когда же наконец раскусят этого плута, когда наплюют в эти бесстыжие зеленые глаза?; “У Горького была болезненная страсть к изломанному русскому языку (“вот я вам приволок свою кни-

жицу, черти лиловые”)”.

А вот о Катаеве: “Очень споспосный и пустой прохвост, порою даже очень глупый и плоский”.

Да что цитировать! Таких отзывов из под его пера вылилось — несть числа...

О нем же самом с неожиданной пронизательностью дельно выразился Б. Зайцев; в письме Михайлову: “Настаивая на связи Бунина с Толстым, Вы правы, связь есть, но есть и огромная разница: духовный мир — совесть, человеколюбие, сочувствие обездоленным, сострадание, чувство греха и ответственности перед Богом — этого у Бунина почти нет, а у Толстого, в его душе, как раз занимало огромное место. (Да и вся наша великая литература XIX века была полна этим, в этом и величие ее)”.

В самом деле, морально у Бунина мало чему можно научиться. Нестерпимый страх смерти... жажда удовольствий... любовь как жестокая жажда удовлетворения (и потому — источник страдания...). Иной вопрос — красоты стиля. Да ведь не в них главное! Писатель должен иметь что сказать...

Политически звездный час Бунина пробил когда он написал “Окаянные дни” (и когда клялся себе не мириться с большевизмом). Самое же низкое падение произошло, когда он, опьяненный лжепатриотизмом послевоенных лет ходил на “светские беседы” к советскому послу Богомолу и производил ряд других неприличных курбетов перед ликующей в тот момент советской властью.

По человечески, его можно понять. Ему сулили золотые горы, и он видел пример А. Н. Толстого, реально получившего горы благ, продав душу Дьяволу. Бунин все же одумался, за что достоин похвал. Но успел прочно себя скомпрометировать в глазах всех порядочных людей Зарубежья, — и наделал тем себе массу бед.

Михайлов говорит, в этом томе в 500 без малого страниц, о многих других писателях, кроме Бунина, главным образом эмигрантских.

И судит о них, на наш взгляд, вкривь и вкось. Он настойчиво противопоставляет Бунину его современника Куприна. Но противопоставление — в пользу сего последнего: он был добрым, отзывчивым человеком, а как писатель вряд ли ниже своего прославившегося собрата. Об Алданове, одном из самых талантливых писателей Зарубежья, Михайлов отзывается с совершенно незаслуженным пренебрежением. Да тоже и об Амфитеатрове, совсем не малой величине! Даже и В. Немирович-Данченко отнюдь не был полной бездарностью, каковой, очевидно, Михайлову рисуется.

В книге немало нелепых опечаток, порою явно искажающих смысл. Отметим одну — в цитате из Пушкина! — **бездуханный** (цветок) вместо “безуханный”.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КИССИНГЕР ЗА ПУТИНА

Нам пишут из Вашингтона:

Бывший Государственный Секретарь США пресловутый Генри Киссингер похвалил президента РФ Владимира Путина за покладистость перед американцами.

В статье опубликованной газетой "Вашингтон Пост" Киссингер написал, что "неожиданное согласие" Путина обсуждать и уровни наступательных ядерных вооружений и изменение существующих в сфере противоракетной обороны договоренностей, показывает, что президент РФ "осознает новые международные реальности".

Киссингер считает положительным фактом, что — в отличие от Горбачева и Ельцина — "Путин сделал свою карьеру в рядах КГБ", так как "служба в КГБ научила его анализу международной обстановки".

Весьма радуется Киссингера, что Путин показал, что осознает "ограниченность в средствах", а потому "не сделал соглашение по противоракетной обороны камнем преткновения".

ЗАПАДУ УГОДНЫЙ

Нам пишут из Ланарка:

Выходящий в этом канадском поселке "Белый Листок" написал, что магнат Сорос, и ему подобные, указывают политику Кремлю в преднамеренном стремлении не допустить Россию к экономическому возрождению: "может в этом и кроется секрет выбора Ельциным совершенно неизвестного никому подполковника КГБ на пост президента".

По мнению издаваемого Г. М. Моисеевым органа печати, Ельцин "не только заручился иммунитетом от заслуженного наказания, но подобрал совершенно подходящую Западу личность".

ОПЕЧАТКИ

В рецензии В. Рудинского на журнал "Новое Литературное Обозрение", помещенной в "Нашей Стране" № 2659-2660, ряд приводимых фамилий искажен.

Вместо **Каспэ** напечатано **Казпа**, вместо **Кончеев** — **Конгеев**, вместо **Плущер-Сарно** — **Пеущер-Сарно**.

Редакция приносит свои извинения автору.

В ЗАЩИТУ МОНАРХИИ

Нам пишут из Нью Йорка:

"Новое Русское Слово" устроило "коллективное обсуждение" новой книги А. И. Солженицына "Двести лет вместе", на котором доктор наук Даниил Голубев заявил, что "из каждого эпизода, который описывает Александр Исаевич, со стенографической точностью, вывод напрашивается однозначный: или власть не виновата, а виноваты в конечном итоге евреи, или, извините, так уж получилось. История рассматривается им под одним углом: насколько то или иное событие подрывало власть монархии. И в этом Солженицын целен".

Далее Д. Голубев утверждает, что "внимательнейшим образом изучил описание Солженицыным всех погромов, ни одного не пропустил, и везде проглядывает совершенно отчетливая линия. Первое и главное: царская власть не виновата, она не организовывала погромов. Автор отмазывает власти нацело. Они виноваты в том, что не предотвратили, не доглядели, не допустили вовремя полицию, но не организовывали погромов. А духовенство не возглавляло погромов, разве что разрешало нести хоругви перед погромщиками. И третье обстоятельство: русские, как правило, в погромах не участвовали. В Кишиневе этим грешили молдоване (поскольку там было 45 % евреев, 45 % молдован и только 10 % русских).

Во всех украинских погромах виновны в основном украинцы, хотя кровавое пятно на русском народе. Спрашивается, разве русские власти не принимали в этом участие? И вот тут-то Солженицын приводит контрфакт. Первопричина всех погромов кроется в поведении евреев: торговали вином, деньги в рост давали, жили зажиточнее крестьян и кощунственно плевали на царские портреты в революцию 1905 года".

По мнению Д. Голубева "Солженицын изучает историю России. И стержень его рассуждений — мучительнейшая дум над тем, почему в России победила революция. Это событие привело к катастрофическому перелому русской истории, который он связывает с ролью евреев, и сквозь эту призму препарирует события".

Другой участник дискуссии Михаил Хейфец, писатель и бывший зек, заявил однако, что "не видит в Александре Исаевиче антисемита... но зато я знаю свой народ... Я его не идеализирую... Солженицын объективен... Я считаю его работу над книгой "Двести лет вместе" подвигом".

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

Нам пишут из Гренобля:

В старческом доме при кладбище Сент Женевьев де Буа умерла Зинаида Алексеевна Шаховская, журналистка, авторша ряда книг на русском и французском языках.

Став редакторшей парижской "Русской Мысли", З. А. Шаховская — частично по указке финансированных газету американских учреждений, частично по собственным левым убеждениям — широко открыла страницы этого органа печати для диссидентов-русифобов.

Русских же эмигрантов-патриотов она не только из газеты отсеивала, но при любой публичной критике ее действий — не гнушалась подавать на них в суд.

А. Н. ЛЮЛЬКО

Нам пишут из Новониколаевска:

Местная газета компартии "За народную власть" поместила на первой странице фототрафию депутата Горсовета по Ленинскому округу Александра Люлька, сопровождаемую хвалебным о нем отзывом.

В 1990-95 гг. Люлька изображал из себя православного монархиста. Однако в последние годы он вступил в неофициальный союз с компартией и, в частности, поддержал кандидатуру в депутаты редактора газеты "За Народную Власть", коммуниста И. И. Мамаю.

"СОВОК" ПРАВИТ

Нам пишут из Москвы:

Выходящий здесь журнал "Двуглавый Орел" отметил в передовице, что "декоммунизация структур власти в нашей стране и не начиналась. "Совок" как правил, так и продолжает править советскоговорящим народонаселением России, над которой звучит преступный сталинский гимн. Отмечаются советские праздники: 23 февраля — день военных палачей собственного народа, 1-го мая — день обманутого трудового человека и день 9-го мая, который осмеливаются называть Днем Победы!"

Информационный орган Всероссийского Монархического Центра задает вопрос: "Победители? А где, спрашивается, наша Рига, Таллин, Киев, Минск и всякие там Ташкенты с Тифлисами? Какая это победа, если "побежденные" Германия, Италия и Япония — ныне ведущие державы мира, а мы подкармливаемся у них?"

Среди книг

О ДВУХ ТОЛСТЫХ

Из книги "Русская эпиграмма" (составитель Б. Евсеев), изданной в Москве в 1999 году, процитируем эпиграмму А. Рославлева, посвященную А. Н. Толстому:

Он тоже граф и даже Алексей,
Но отличить покойника нетрудно;
Тот был умен и пел, что соловей,
А тот лишь сверчит и мыслит скудно.

Она датирована 1912 годом, но вполне пригодна к последующим временам.

Вспомним заодно и другую эпиграмму на то же лицо, более известную начинающуюся словами:

Ты Алексей, но Николаич.
Ты Николаич, но не Лев.

Связывающую "советского графа" еще и с другим знаменитым родственником.

Впрочем, ныне здравствующий и заслуженно широко известный представитель того же блестящего рода, граф Николай Толстой, в своей английской книге "The Tolstoys" (London, 1985) отзывается о нем так:

"Не было лжи, предательства или подлости, которых бы он с готовностью не совершил, лишь бы набить себе карманы, и в лице Сталина он нашел себе достойного хозяина. Немногие в мире семьи породили более высокий литературный талант, чем талант Льва Толстого, но и немногие произвели на свет талант столь развращенный, каким был талант Алексея Николаевича".

САВВА ЮРЧЕНКО